

Барыня — эпизод 7 из 8

Хе-хе. Досочек, тесу... Тут Семка дерзостей наговорил... Вы уж не серчайте, барыня. Дурак дураком. Дурь еще из головы не вышла. Не чувствует. Народ такой. Так прикажете, барыня, за лесом приезжать?

Приезжай.

Так вы Феликсу Адамычу извольте сказать. Дай бог вам здоровья! Теперь у Степки изба будет.

Только я дорого возьму, Журкин! Я леса, сам знаешь, не продаю, самой нужен, а если продаю, то дорого.

Лицо Максима вытянулось.

То есть как?

Да так. Во-первых, деньги сейчас же, а во-вторых...

За деньги я не желаю.

А как ты желаешь?

Известно как... Сами знаете. Нонче какие у мужика деньги? Грош, да и того нет.

Даром я не дам.

Максим сжал в кулаке шапку и начал глядеть в потолок.

Вы это верно говорите? спросил он, помолчав.

Верно. Еще имеешь что сказать?

Что мне говорить? Лесу не даете, так зачем я с вами говорить стану?

Прощайте. Только напрасно вы лесу не даете... Жалеть будете... Мне наплевать, а вы пожалеете... Степан на конюшне?

Не знаю.

Максим значительно поглядел на барыню, кашлянул, помялся и вышел. Его передернуло от злости.

Так вот ты какая, шельма! подумал он и отправился в конюшню. В конюшне в это время Степан сидел на скамье и лениво, сидя, чистил бок стоящей перед ним лошади. Максим не вошел в конюшню, а стал у двери.

Степан! сказал он.

Степан не отвечал, но взглянул на отца. Лошадь пошатнулась.

Собирайся домой! сказал Максим.

Не желаю.

Можешь ли ты мне это говорить?

Значит, могу, коли говорю.

Я приказываю!

Степан вскочил и захлопнул конюшенную дверь перед носом Максима.

Вечером к Степану прибежал из деревни мальчик и рассказал ему, что Максим выгнал Марью из дома и что Марья не знает, где ей переночевать. Она теперь сидит около церкви и плачет, рассказывал мальчишка, а вокруг нее народ собрался да тебя ругает.

На другой день рано утром, когда в барском доме еще спали, Степан надел свою старую одежду и пошел в деревню. Звонили к обедне. Утро было воскресное, светлое, веселое только бы жить да радоваться! Степан прошел мимо церкви, взглянул тупо на колокольню и зашагал к кабаку. Кабак открывается, к несчастью, раньше, чем церковь. Когда он вошел в кабак, у прилавка уже торчали пьющие.

Водки! скомандовал Степан. Ему налили водки. Он выпил, посидел и еще выпил. Степан опьянел и стал подносить. Началась шумная попойка.

Много ты у Стрельчихи жалованья получаешь? спросил Сидор.

Сколько следует. Пей, осел!

Доброе дело. С праздником, Степан Максимыч! С воскресным днем! А вы что же?

И я... И я пью...

Очень приятно... Всё это, собственно говоря, очень благополучно и обольстительно, Степан Максимыч! Так-с... А позвольте вас спросить, рублей десять получаете?

Ха-ха! Разве можно барину на десять целковых прожить? Что ты? Он сто получает!

Степан посмотрел на сказавшего это и узнал в нем брата Семена, который сидел и углу на скамье и пил. Из-за Семена выглядывала пьянеющая физиономия дьячка Манафуилова и преехидно улыбалась.

Позвольте вас спросить, господин, заговорил Семен, снимая шапку, у барыни хорошие лошади или нет? Вам ндравятся?

Степан молча налил себе водки и молча выпил.

Должно быть, очень хорошие, продолжал Семен. Только жаль, что кучера нет. Без кучера не того...

Манафуилов подошел к Степану и покачал головой.

Ты... ты... свинья! сказал он. Свинья! К тебе не грех? Православные! Ему не грех! А что в писании сказано, а?

Отстань! Дурь!

Дурь... Ты зато умный. Кучер, а не при лошадях. Хе-хе... Она вам и кофию дает?

Степан размахнулся и ударил бутылкой по большой голове Манафуилова.

Манафуилов пошатнулся и продолжал:

Любовь! Какое это чувство... Фф... Жаль, повенчаться нельзя. Барин был бы!

А из него, ребята, славный барин вышел бы! Строгий барин, развитой! Послышался хохот. Степан размахнулся и в другой раз ударил бутылкой по той же голове. Манафуилов пошатнулся и на этот раз упал. Ты чего же это дерешься? закричал Семен, наступая на брата. Повенчайся тогда и дерись! Ребята, чего он дерется? Чего ты дерешься, я спрашиваю? Семен прищурил глаза, взял Степана за грудь и ударил его под ложечку. Поднялся Манафуилов и замахал своими длинными пальцами перед глазами Степана. Ребята! Драка! Ей-богу, драка! Напирай! В кабаке зашумели. Говор смешался со смехом. У кабацких дверей столпился народ. Степан схватил Манафуилова за воротник и швырнул его в дверь. Дьячок взвизгнул и шаром покатился по ступеням. Захохотали сильнее.